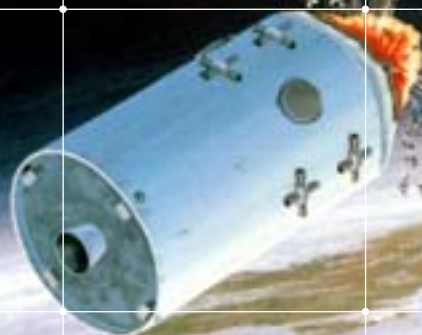

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Национальный космический вызов

В конце прошлого года в Московском Государственном Техническом Университете имени Н. Э. Баумана прошло заседание круглого стола — «Национальный космический вызов», посвященного обсуждению актуальных вопросов космической политики России в свете недавно принятой национальной космической политики США. Организатором круглого стола вместе с МГТУ выступил Московский космический клуб при поддержке МДО «Авиация и космонавтика России» Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

В октябре 2006 года была обновлена открытая часть новой «Национальной космической политики США», утвержденной президентом Дж. Бушем в августе. Новая космическая доктрина страны, претендующей на мировое лидерство в космической области, естественно, не могла остаться незамеченной российскими экспертами. Однако ее принятие послужило лишь поводом для разговора о национальной космической политике России и необходимости адекватного реагирования на современные вызовы.

Московский космический клуб собрал в день своего 16-летия ведущих российских экспертов. В работе круглого стола приняли участие представители Государственной Думы ФС РФ, Совета Безопасности РФ, Роскосмоса,

Института США и Канады РАН, МГТУ им. Н. Э. Баумана, руководители основных предприятий ракетно-космической отрасли, известных ведомственных и федеральных СМИ.

Президент клуба Сергей Жуков, открывая работу круглого стола, сказал: «Сегодня, когда нужно говорить о приоритетах российской космонавтики, новых направлениях ее движения, очень актуальным является, на мой взгляд, взаимодействие общественных и государственных институтов, поддержка гражданским обществом инициатив Роскосмоса. Поэтому мы посчитали такую встречу целесообразной и своевременной».

К участникам Круглого стола обратился с приветствием Председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ С. М. Миронов. Перед

собравшимися выступили: заместитель председателя Комитета по обороне Государственной Думы ФС РФ, член Президиума политической партии «Справедливая Россия» С. М. Григорьев, заместитель руководителя Роскосмоса В. А. Давыдов, первый проректор — проректор по научной работе МГТУ имени Н. Э. Баумана К. Е. Демихов, генеральный директор ЦНИИмаш, академик РАН Н. А. Анфимов, вице-президент РКК «Энергия» В. Н. Бранец, профессор МГИМО МИД РФ Ю. Н. Малеев, независимые эксперты по космической политике Ю. Ю. Караш, А. Г. Ионин, И. М. Моисеев.

В ходе круглого стола развернулась активная дискуссия по вопросам необходимости формирования космической политики России, кадрового обновления космонавтики, активизации роли общественности в решении стратегических задач развития. В ней принимали участие космонавты России и Казахстана, представители Совета Безопасности РФ и Государственной Думы, руководители промышленности, журналисты и аспиранты.

«Российский космос» предлагает вниманию читателей основное содержание ключевых докладов и выступлений круглого стола.

ВОЗМОЖНАЯ РЕАКЦИЯ РОССИИ

*Николай Анфимов,
генеральный директор ЦНИИ машиностроения, академик РАН*

Внимание стран — участниц космической деятельности друг к другу очень велико. Естественно, велик интерес в мире и к новой космической политике США, утвержденной Президентом США Дж. Бушем 31 августа нынешнего года и опубликованной в начале октября. Предыдущий аналогичный документ, отражающий космическую политику США, был принят администрацией Била Клинтона в сентябре 1996 года.

США существенно изменили приоритеты, цели и задачи своей национальной космической политики. Если 10 лет назад на первом месте среди целей и задач стояло «совершенствование знаний о Земле, Солнечной системе и Вселенной путем проведения исследовательских экспедиций с участием человека и роботехнических устройств», то в новом документе звучит другая формулировка: «Укрепление ведущей роли страны в космосе и обеспечение своевременности разработки космических средств и услуг, необходимых для содействия целям национальной безопасности США, внутренней и вне-

ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС

шней политики, ... и обеспечение беспрепятственного проведения операций США в космосе для защиты там интересов страны...». Кроме того, добавлена установка о необходимости лидерской роли США в создании глобальной системы ДЗЗ.

Важно отметить, что в предыдущем документе существовал тезис: «США отвергают любые претензии со стороны какого-либо государства на главенство (суверенитет) в отношении космического пространства и небесных тел или любой их части и отвергают любые ограничения суверенного права независимых государств на получение данных из космоса...». В новом же документе вместо этого записано: «... Отвергают любые ограничения основных прав Соединенных Штатов на деятельность в космосе...». Таким образом, констатация «суверенного права независимых государств» на свободу действий в космосе исключена.

Но особое внимание и тревогу вызывает следующий тезис: «... Соединенные Штаты считают космические технические средства, включая наземный и космический сегменты, а также линии связи, жизненно важными для своих национальных интересов. В соответствии с этой политикой Соединенные Штаты будут охранять свои права, технические средства и свободу действий в космосе, разубеждать или удерживать другие страны от посягательств на эти права, либо от разработки средств, предназначенных для этого; предпринимать действия, необходимые для защиты своих космических средств; отвечать на вмешательство и не допускать, если необходимо, противников к использованию космических средств в ущерб национальным интересам США...».

Смысл и потенциальная опасность практической реализации данного положения сильно зависят от толкования определений, и прежде всего — что следует понимать под «использованием космических средств в ущерб национальным интересам США». Один из примеров — это использование сербами во время войны на Балканах и иракцами наземных постановщиков помех системе GPS для защиты от бомбежек собственной территории управляемыми высокоточными авиабомбами. При таком понимании «космических средств», естественно, практическая реализация положений «Политики...» чревата практически ничем не ограниченным произволом. Однако, даже если «использование космических средств» будет трактоваться более традиционно, главная опасность данного положения «Политики...» состоит в том, что он появляется в контексте целенаправленного отказа от договорного регулирования. То же касается и «национальных интересов» — например, попадает ли под указанное положение препятствование работе по назначению спутника связи государства, которое США сочли «противником»?.. В действительности реальное значение и потенциальная опасность «Политики...» определяется именно такими уточняющими вопросами, а не достаточно общими ее формулировками.

В документе содержится целый ряд положений, из которых ясно, что США не намерены соглашаться на принятие международных договоров, которые ограничивали бы их свободу действий в смысле предыдущего тезиса, — а значит, вообще не настроены на признание каких-либо ограничений военного использования космоса, в том числе — для проведения операций по «защите своих космических средств». Таким образом, сейчас США не видят для себя партнеров, с которыми имело бы смысл на эту тему переговариваться.

На наш взгляд, опасность не в том, что США угрожают «сдерживать» тех, кто собирается причинить ущерб их космическим средствам — вряд ли такое может прийти в голову более или менее разумным людям. Опасность заключается в том, что американцы усматривают в нынешней ситуации возможность занять «потенциально сильную позицию». Это чревато постепенным сползанием к какому-то новому противостоянию в космосе, против чего активно выступают сегодня и Россия, и Китай.

Какие шаги целесообразно предпринять России в сложившихся условиях?

Необходимо конкретизировать основные политические аспекты нашей реакции на сложившиеся реалии. Это — совместная задача органов исполнительной и законодательной власти.

Тенденция руководства США к односторонним действиям должна приниматься во внимание при стратегическом планировании развития отечественной космической деятельности. Необходимо уточнить ранее утвержденные Президентом «Основы политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2010 года», распространив их действие до 2015-2020 года.

Нужно внимательно проанализировать имеющиеся в документе практические задачи развития американской космической отрасли и сопоставить их с нашими планами. Принять меры по стимулированию наиболее приоритетных работ в обеспечение сокращения технического и технологического отрыва от США по ряду направлений в создании и использовании космических средств.

Следует продолжать на международных форумах (в рамках ООН и пр.) работу по выработке общих контуров и по договорному оформлению системы недопущения вывода вооружений в космос.

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОСМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ США

Юрий Караш, Ph.D (космическая политика), кандидат исторических наук, член-корреспондент Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского

С момента официального провозглашения космической политики США в 1958 году в «Акте о национальной аэрокосмической деятельности» в данной политике всегда присутствовали национальный и международный аспект. В первые два десятилетия между ними сохранялся определенный баланс. В вышеупомянутом «Акте» в списке целей, преследуемых космической деятельностью США, на первом месте стояло «расширение человеческих знаний об атмосфере и космосе» и лишь на пятом — «сохранение лидирующей роли Соединенных Штатов в области авиационно-космической науки и техники».

В сентябре 1969 года «Специальной оперативной группой» под руководством вице-президента Спино Агню был подготовлен для президента США Ричарда Никсона доклад под названием: «Космическая программа после «Аполлона»: ориентиры на будущее». «Главной ролью» Соединенных Штатов в космосе было названо «движение вперед от первоначального открытия [космических] границ к освоению [космоса] на благо всего человечества и, в конечном счете, к обеспечению доступа людей во внеземное пространство». Более того, в том же документе говорилось: «Нашим международным интересам в наибольшей степени будут отвечать те проекты, ... от реализации которых другие страны получают такие же экономические и социальные блага, как и мы».

Однако в 1980 году к власти в США пришло правительство Рональда Рейгана, отличавшееся бльшим антикоммунизмом и национализмом, чем его предшественники. Это нашло свое отражение и в американской космической политике. Так, руководитель NASA Джеймс Беггс сказал в 1983 году, что целью программы «Фридом» (будущей МКС) будет «сохранение американского лидерства в космосе». «Если [США] смогут организовать международное сотрудничество [по созданию

данного орбитального комплекса], то другие страны будут расходовать свои ресурсы на взаимодействие, а не на соперничество с нами», — пояснил данную мысль Беггс.

Зачем Америке лидерство в космосе, объясняет доклад «Оценка космической политики США после окончания «Холодной войны», подготовленный в 1992 году членами Консультативного совета по космической политике при вице-президенте США. Согласно этому документу «оставаться лидирующей

**ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС**

нацией в космосе по-прежнему отвечает интересам США, так как это лидерство наполняет американцев чувством гордости за то, что их страна находится на переднем крае свершений, а кроме того, усиливает возможности страны влиять на поступки и мнения прочих государств планеты». Только теперь это лидерство обеспечивается через сотрудничество, а именно — через руководящую роль в международных космических проектах.

Более того, в 1996-м году национальный научно-технический совет при Белом Доме разработал «Национальную космическую политику». Одной из целей космической программы Соединенных Штатов, провозглашенных в данном документе, является «развитие международного сотрудничества, как средства, способствующего решению задач в области внутренней и внешней политики США, а также в сфере их национальной безопасности».

Когда 14 января 2004 года президент Джордж Буш-младший обозначил

Луну и Марс в качестве новых стратегических ориентиров космической деятельности Америки, он сразу указал главные цели этой деятельности: «Обеспечить благодаря мощной программе освоения космоса интересы США в области науки, безопасности и экономики». Что касается взаимодействия с другими странами, то Буш был предельно прямым: «США будут использовать возможности, предоставляемые международным сотрудничеством, в интересах достижения американских целей освоения космоса».

В свете вышесказанного о подходе США к освоению космоса есть ли у России шанс развивать свою ракетно-космическую технику в рамках каких-либо совместных проектов с США, если данное развитие «способствует достижению американских целей освоения космоса»? Такого шанса у России нет по двум причинам.

Первая — глава NASA Майкл Гриффин неоднократно подчеркивал и продолжает подчеркивать, что какое-либо международное сотрудничество в

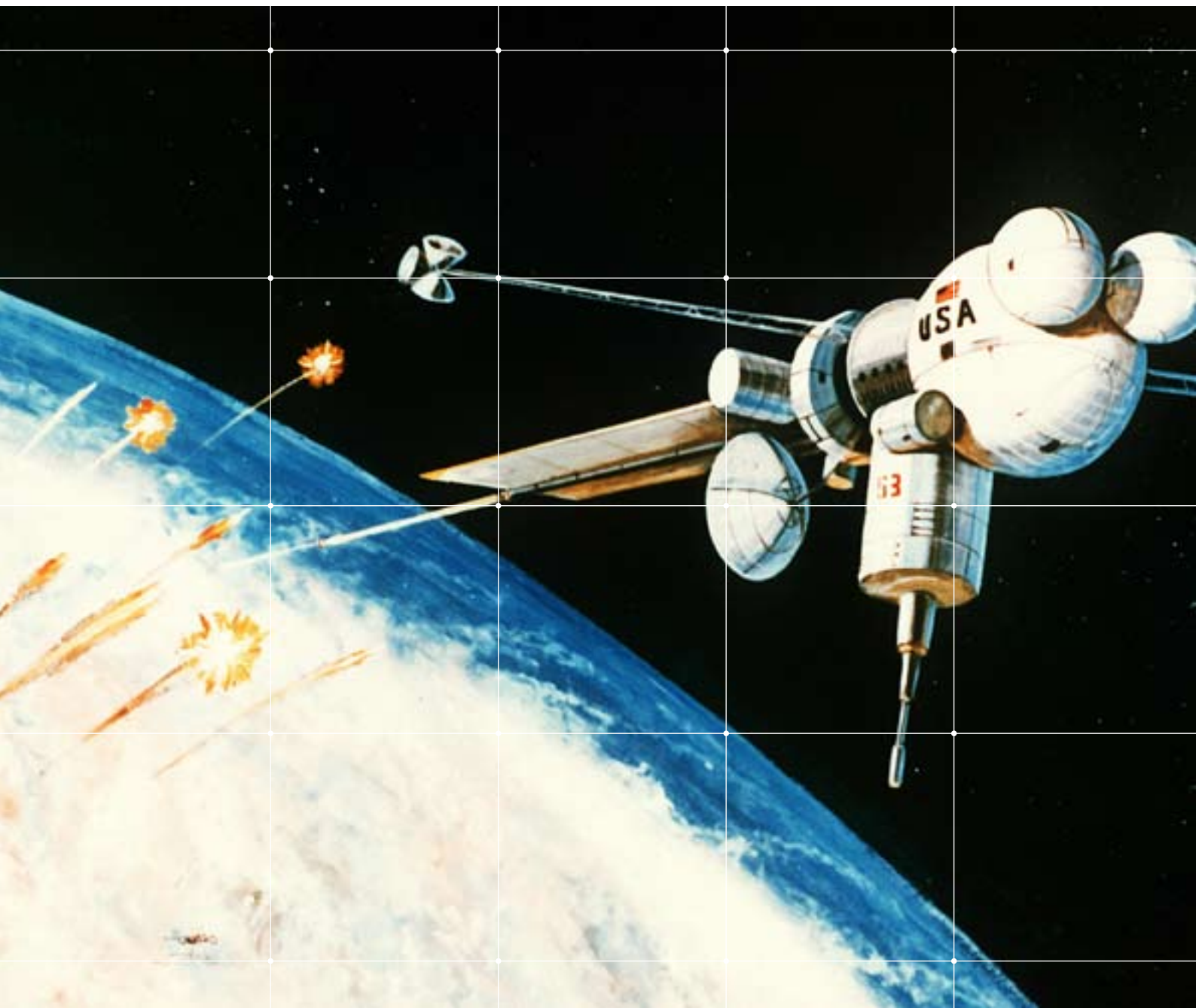
рамках американской лунной программы возможно лишь с ПОВЕРХНОСТИ ЛУНЫ. Это означает, что все научно-технические и экономические «сливки» с данной программы, включая создание пилотируемого корабля CEV, носителя для CEV «Арес-1», верхней ступени, лунного модуля и носителя «Арес-5» для верхней ступени и лунного модуля возьмут на себя США. Всем остальным останутся лишь мелкие, вспомогательные работы типа участия в создании обитаемых модулей для американской лунной базы, систем жизнеобеспечения, исследовательской аппаратуры, роверов для передвижения астронавтов по Луне и пр.

Вторая — выступая на Международном астронавтическом конгрессе в Валенсии 3 октября 2006 года,

Гриффин сказал: «Сотрудничество лучше всего работает, когда организовано по принципу «каждый участвует за свой счет»... Нередко мне уже в должности администратора предлагали «партнерство», которое в сущности сводилось к предложению вложить американские деньги в аэрокосмические индустрии других стран. Я хочу, чтобы здесь была ясность: «партнерство» для нас — это не синоним «помощи NASA потратить свои собственные деньги».

Вывод: если Россия скооперируется с США в рамках лунной программы NASA, то она станет за свой счет участвовать в создании отдельных элементов американской лунной инфраструктуры, отвлекая и без того небольшие средства из своего кос-

мического бюджета от создания принципиально новых образцов ракетно-космической техники. В этой связи не может не настораживать то неоправданно большое значение, которое уделяется Федеральным космическим агентством России взаимодействию с другими странами. С учетом того, что США отнюдь не рассматривают Россию в качестве равноправного партнера по освоению космического пространства за пределами околоземной орбиты (лунные планы Европы, Китая и Индии пока в лучшем случае — декларации о намерениях), такой курс Роскосмоса представляется отказом от развития отечественного ракетно-космического потенциала ради очередного «рукопожатия в космосе».

ЧТО БУДЕТ?

*Андрей Ионин,
эксперт Центра анализа и стратегий, к.т.н., МВА, член-корреспондент
Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского*

Использование космической информации в военных целях прошло множество не только технологических, но и структурных этапов. Исходно это были отдельные аппараты и отдельные (избранные) потребители их информации, далее — системы аппаратов и быстрый рост числа потребителей, увеличение объемов передаваемой информации и т.д. Появлялись и новые типы космической информации: в 1980-х — глобальное высокоточное позиционирование, в 1990-х — глобальная мобильная связь. Такой процесс усложнения архитектуры неизбежно приводит к возникновению информационной сети, где все, или практически все, элементы связаны между собой информационными потоками! А известно, что свойства сети не выводятся из свойств ее отдельных элементов, в частности, потребительская «полезность» сети (согласно закону Мэткалфа) растет не линейно, а экспоненциально.

Таким образом, нынешняя, неоднократно продемонстрированная на практике, высокая военная эффективность американской орбитальной группировки

ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС

есть прямое следствие того, что она представляет собой, уже перешла в новое качество — стала информационной «суперсистемой», элементы которой синергетически усиливают и дополняют друг друга. Синергия проявилась благодаря выполнению нескольких условий: функциональной полноты (более 90% всей необходимой информации американские вооруженные силы получают от спутниковой группировки), глобальности предоставления информации во времени и пространстве, высокого и однородного технологического уровня космических систем, отработанности на практике линий связи и интерфейсов передачи данных, обученности потребителей и востребованности ими космической информации.

Одновременно космическая суперсистема является и основой сверхмобильности американских вооруженных сил, поскольку в режиме постоянной готовности обеспечивает им полностью развернутую информационную инфраструктуру на любом затребованном театре военных действий.

В целом, создание космической суперсистемы есть новое глобальное конкурентное преимущество США и результат реализации других американских конкурентных преимуществ: в финансах и высоких технологиях. Именно это призвана констатировать и закрепить (навечно?) новая американская политика в области космоса. Именно осознание этого позволяет США в своей космической политике практически игнорировать интересы других стран в космосе. И именно это позволяет США планировать и использовать такие способы обеспечения национальной безопасности и отстаивания американских интересов по всему миру, в том числе с помощью военной силы, которые принципиально недоступны для всех иных государств.

Кроме того, новая космическая политика Соединенных Штатов предписывает министерствам и ведомствам максимально использовать коммерческие космические средства и услуги американских фирм, а разработку федеральных, включая военные, систем выполнять лишь в том случае, если нет, и не предвидится приемлемой коммерческой системы. И это означает не только экономию бюджетных средств (кстати, данное решение вполне эффективно и в российских условиях), но и стирание грани между американскими военными и коммерческими системами. Таким образом, федеральная космическая

информационная суперсистема, синергетически усиленная за счет включения в нее космических мощностей частных компаний, но остающаяся под контролем государства, может и будет использована не только для поддержания военного превосходства и присутствия США по всему миру, но и как неотъемлемый элемент американской глобальной системы информационного контроля.

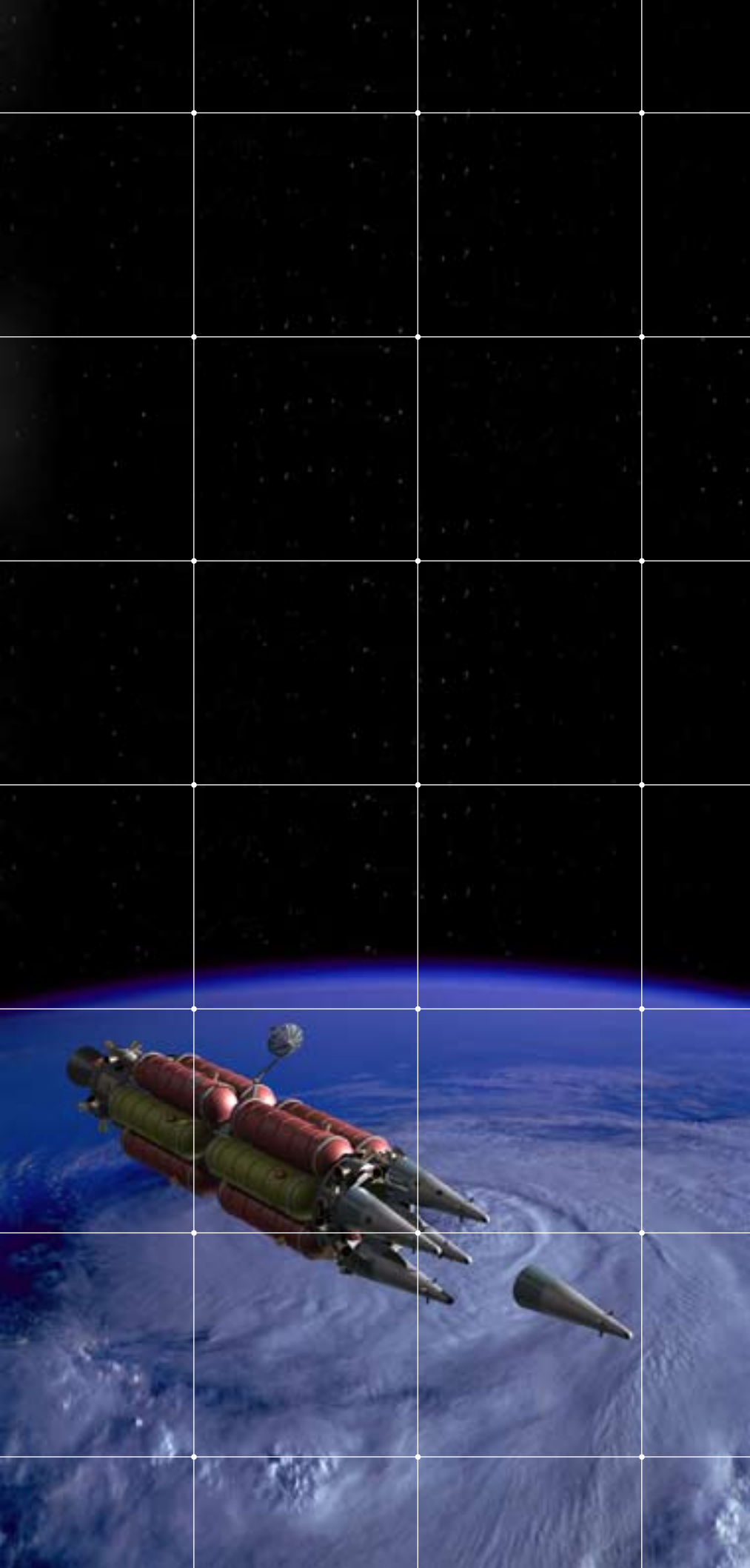
Создание аналогичных национальных космических суперсистем (асимметричность здесь, очевидно, невозможна) потребует от любой страны разработки соответствующих технологий и огромных финансовых ресурсов: ведь стоимость «среднего» перспективного американского спутника военного назначения с учетом затрат на разработку для него новых технологий достигает 2-3 млрд долл. Но, не преодолев финансовый, нельзя подойти к следующему за ним технологическому барьеру, только за которым находится барьер качественного роста целевой эффективности космических систем военного назначения, обусловленной непосредственно развертыванием и отработкой космической суперсистемы. Однако, для тех, кто все же попытается преодолеть эти три

барьера: финансовый, технологический и целевой эффективности, новая американская космическая политика выстраивает еще один — силовой барьер, прямо увязывая «допуск» любой страны в космос и возможность получения космической информации с национальной безопасностью США.

В целом, космическая политика США есть, по сути, национальная стратегия в области космоса, которая в концентрированном виде транслирует видение и основные требования к космическим программам со стороны общества. И это вполне обоснованно, поскольку именно американские налогоплательщики посредством бюджетного финансирования тех или иных федеральных программ и являются основными Заказчиками — инвесторами большей части космического производства. В этих условиях долгосрочная космическая политика представляет собой не только инструмент целеполагания, но и постоянно действующий механизм контроля со стороны общества за своими космическими инвестициями, а именно стратегическими и оперативными решениями в области космоса, принимаемыми государственными чиновниками, в первую очередь NASA и MO.

В этой связи представляется важной разработка космической политики России, не копирующей американскую, а отвечающей российским внутренним возможностям и внешним отношениям. Но призванной, также как и американский документ, определять общественно значимые космические цели и быть механизмом общественного контроля над стратегическими решениями в области космоса. Это тем более важно, поскольку до сих пор большая часть активов отрасли находится в государственной собственности.

При этом очевидно, что формирование российской космической политики, включающей и целеполагание, и создание механизма общественного контроля действий исполнительной власти, в первую очередь Роскосмоса, а также менеджмента космических предприятий, не может быть прерогативой самих контролируемых — для решения этих задач необходимо создание иной, вневедомственной, но признанной обществом структуры.

«ПРЕДОТВРАЩАТЬ» УЖЕ ПОЗДНО

Юрий Малеев, профессор МГИМО МИД РФ, д.ю.н.

Заявление Президента США в мае 2005 года, о намерении запускать в космос аппаратуру, имеющую военное предназначение, открыли, по сути, новую эру в космической деятельности и в космическом праве. Отмечу, что термин «милитаризация» применительно к космическому пространству представляется неприемлемым. То, что делают в космосе США, не следует воспринимать как гонку вооружений, продолжающую соперничество. Достаточно поместить военно-космические меры США в контекст международной безопасности, очевидных тенденций глобализации, как акцент меняется. Хотя, во многом еще вследствие политической инерции, Россия не может не возражать против таких мер.

Именно этому аспекту была посвящена статья, опубликованная в «Независимой газете» от 27 ноября 2006 года. Автор А. А. Антонов, Директор Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД России. В этой статье для нас важны следующие тезисы:

— размещение оружия в космосе может иметь крайне негативные последствия для международной безопасности и стратегической стабильности в силу возможности его внезапного применения и избирательного действия по наземным, морским, воздушным и космическим целям;

— считаем важным шагом, призванным сохранить космос мирным, создание атмосферы открытости и доверия в космической деятельности.

При оценке всех этих мер следует, на мой взгляд, обратить особое внимание на неверное толкование п. 4 ст. 2 Устава ООН, которая якобы устанавливает принцип неприменения силы (запрета на ее применение). Но в п. 4. ст. 2 Устава ООН говорится о «воздержании» от угрозы применения силы или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций. Важно, что сам принцип обусловлен

обязательством именно воздержания, а не императивного запрета на применение силы.

В отношении использования оружия в космосе показателен доклад, сделанный на II Московской международной конференции по нераспространению 18-20 сентября 2003 г. Анатолием Шевцовым, Руководителем Днепропетровского филиала национального института стратегических исследований (Украина). В этой связи привлекают следующие мысли автора:

**ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС**

— одной из новых опасностей для всего мира может стать милитаризация космического пространства, которая вытекает из логики происходящих в последнее время событий;

— когда говорим об угрозе применения или применении оружия из космоса или же с Земли по объектам в космосе, положение п. 4 ст. 2 Устава ООН является по существу единственным сдерживающим фактором, особенно если речь идет не об ОМП;

— на протяжении уже нескольких сессий ГА ООН принимается резолюция «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве» с практически одним и тем же содержанием. На 56-й сессии за эту резолюцию проголосовали 156 стран, против не голосовал никто, и только США, Израиль и Микронезия воздержались;

— обобщая известные рекомендации, могут быть предложены следующие направления работ, имеющих целью предотвращение милитаризации космоса:

1. В первую очередь, следует предпринять шаги по внесению поправок в Договор о космосе 1967 года, внося ограничения и на другие виды оружия,

в дополнение к оружию массового поражения.

2. Заключить многосторонний договор об иммунитете искусственных спутников Земли гражданского и не боевого военного назначения.

3. Заключить многосторонний договор, запрещающий испытание и развертывание в космосе любых видов оружия.

4. Проработать вопрос о правовом регулировании количества космических аппаратов (КА), используемых в военных целях.

5. Запретить производство, испытания и развертывание противоспутникового оружия, размещаемого как на Земле, так и в космосе.

6. Разработать кодекс правил, регулирующих мирное и неагрессивное использование космического пространства в военных целях.

7. Разработать кодекс поведения в космическом пространстве, предусматривающий введение ограничений на маневрирование и размещение КА в космосе.

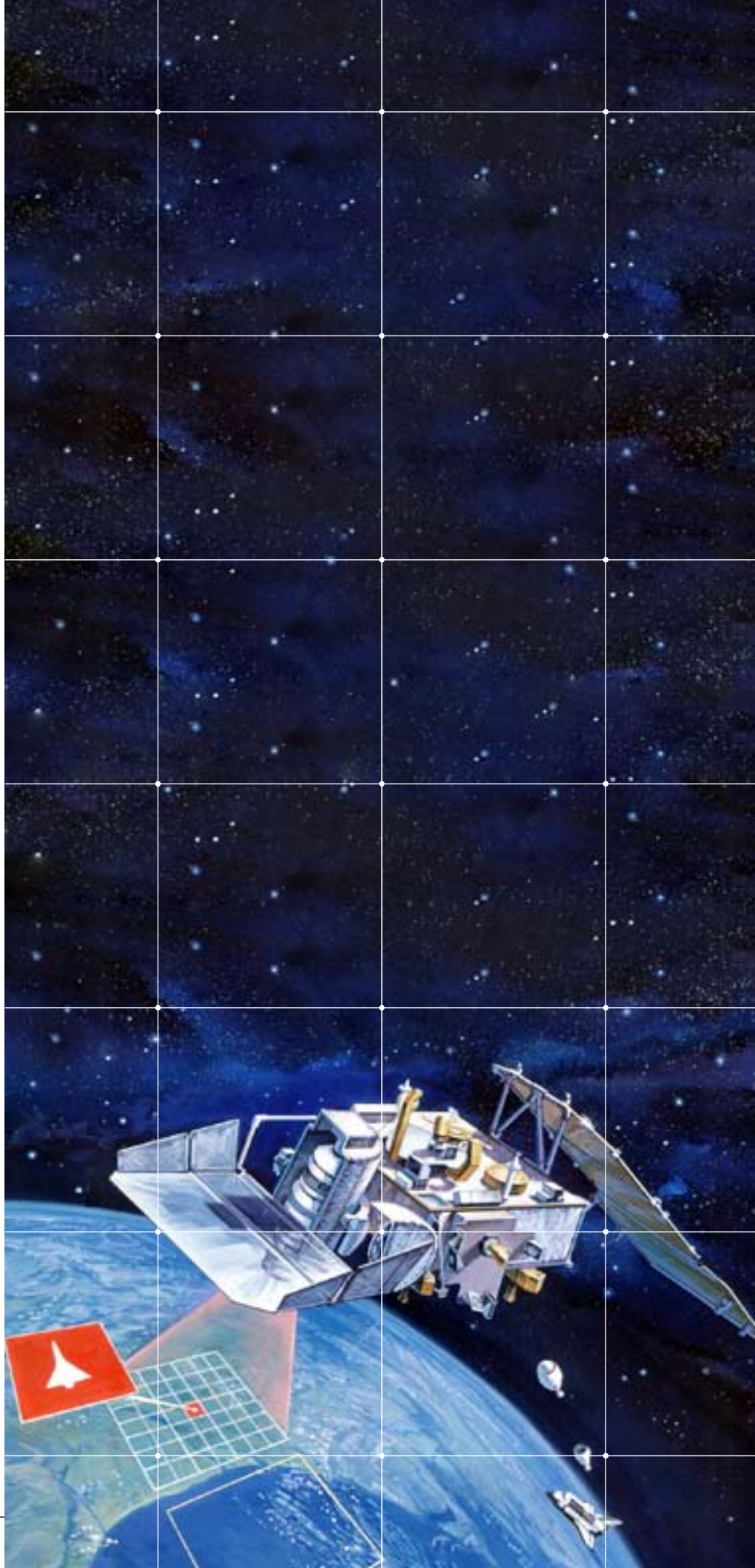
8. Проработать вопросы международного инспектирования космических запусков на полигонах и космодромах.

Программа, таким образом, внушительная. Но в современной обстановке она вряд ли конструктивна. Коль скоро «предотвращать» военное использование космоса уже поздно, на первый план выходит проблема локализации такого использования.

В этом плане, на мой взгляд, целесообразно создание международной организации по военному использованию космоса, куда бы в первую очередь вошли Россия и США. В годы Второй мировой войны, несмотря на кардинальные (и, казалось, непримиримые) идеологические и политические противоречия произошло их (и других государств) объединение против общего врага. Сегодня такой общий враг как будто определен. И если Третья мировая война началась, как многие полагают, 11 сентября 2001 года, то тем более понятно создание такой организации для ударов по наземным целям.

В настоящее время США приступают к одностороннему развертыванию подобной системы в космосе. При этом у них нет необходимости получать право на самооборону из космоса. По ст. 51 Устава ООН он «... ни в коей мере не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на Члена Организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности...». Что касается мнения военных экспертов и юристов относительно правомерности «превентивной обороны» или «упреждающего удара» из космоса или через него, то превентивное (или иное) применение силы из космического пространства в отношении наземных объектов может иметь место вне рамок ст. 51 Устава ООН.

И даже если термин «милитаризация космоса» не вполне адекватен происходящему процессу активизации использования космоса в военных целях, пусть этот термин остается. Главное, чтобы за этим скрывалось использование космического пространства не в агрессивных целях, а в позитивных целях сохранения международной безопасности.

КРИЗИС ПРЕОДОЛЕН?

Иван Моисеев, научный руководитель Института космической политики

Сегодня в России активно обсуждается новая Национальная космическая политика США, уже почти два года говорится о «новом видении» Президента Дж. Буша. За этими обсуждениями мы как-то забыли, что у России есть космическая политика и четкая программа.

22 октября 2005 года Правительством РФ была принята Федеральная космическая программа (ФКП) на период до 2015 года. На ФКП стоит гриф «конфиденциально». Закрытыми являются также «Концепция национальной космической политики России» и «Основы политики РФ в области космической деятельности на период до 2010 года». Если эту тенденцию экстраполировать на будущее, то вполне может оказаться, что космическая деятельность в России прекратится просто вследствие отсутствия общественного интереса к ней.

15 лет назад российская космонавтика стояла на грани выживания. Благодаря усилиям федерального Космического агентства и многих граждан, заинтересованных в существовании космонавтики, правильной стратегии космического

ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС
ВЫНОС

агентства, активной помощи международного космического сообщества, русский космос выжил. Более того, можно сказать — выжил с минимально возможными потерями.

Можно ли констатировать, что тяжелейший кризис преодолен? Сегодня экономика России в целом вышла на докризисный уровень, а вот нашей космонавтике до этого еще далеко. Этот неприятный факт усиливает еще и то, что за прошедшее время в российской космонавтике адаптировались новые технологии, существенно повышающие производительность труда, создана эффективная международная кооперация, и мы могли бы рассчитывать на рост более быстрый, чем средний по России.

Однако надо сравнивать нашу скорость развития с аналогичной в других странах, прежде всего в США. И результат сравнения не в нашу пользу.

Попробуем определить причины. Из всего спектра многочисленных факторов в рамках рассматриваемой темы я бы выделил три проблемы наиболее общего характера.

Первое. Отсутствие внятных, понятных обществу, целей развития российской космонавтики. Это следствие существующей сегодня проблемы целеполага-

ния. Программные концептуальные решения готовятся Роскосмосом в кооперации с несколькими другими министерствами, и утверждаются Правительством. Получается, что Роскосмос сам ставит себе задачи.

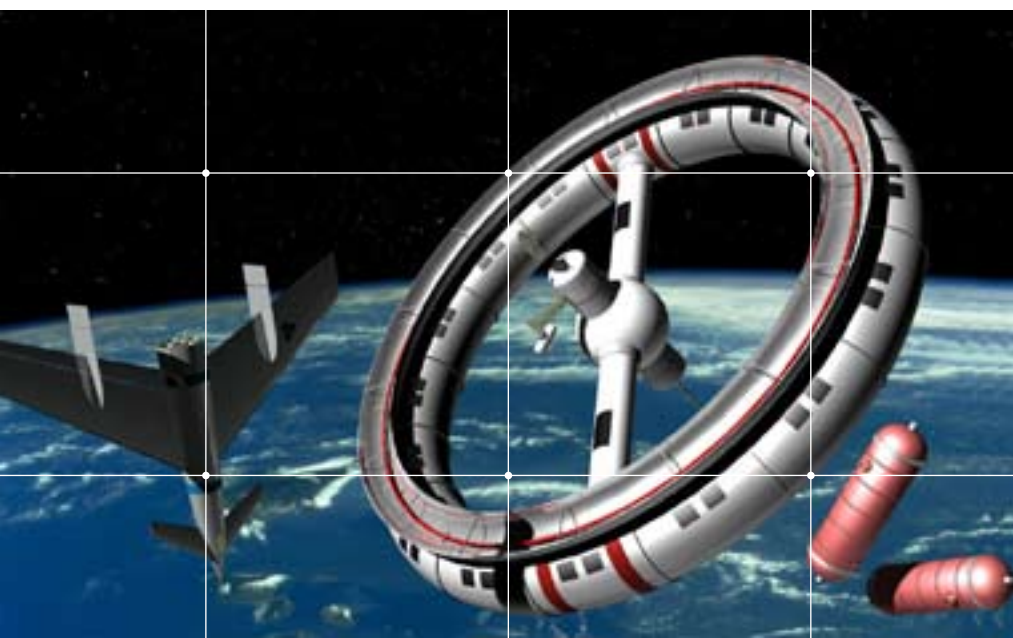
Второе. Не самая эффективная методика отработки программных решений. Существующие схемы отработки и принятия программных решений в российской космонавтике не включают, по крайней мере, два принципиальных элемента: широкую открытую дискуссию и независимую экспертизу.

Третье. Слабо развитая система обратных связей «космонавтика-общество». В целом в российском обществе и в руководстве страны существует положительное отношение к космонавтике. Однако недостаток информации о проблемах космонавтики приводит к отсутствию активной поддержки общества.

Из спектра возможных мер для исправления этих негативных факторов я отобрал мероприятия, практически не требующие дополнительного финансирования. Их можно разделить на два блока, которые условно обозначены как «методический» и «статусный».

Методические мероприятия

1. Формирование «агрессивной» информационной политики, направленной на все слои российского общества от школьников до депутатов.

2. Моральная, организационная и информационная поддержка общественных организаций, работающих в сфере космонавтики. Обеспечение использования результатов их деятельности.

3. Инициирование общественных дискуссий по ключевым и общепонятным вопросам космонавтики, анализ и использование их результатов.

Статусные мероприятия

1. Создание Совета по космосу. Он должен формироваться в структуре Администрации Президента РФ. Основные задачи — формулировка целей космической деятельности в России, проектов законодательных инициатив и Указов Президента России.

2. Подчинение Роскосмоса Президенту РФ. Сегодня часть министерств и ведомств подчинены Президенту, часть — Премьеру. Основные министерства, с которыми активно взаимодействует Роскосмос, — МО, МИД, РАН — подчинены Президенту. Предлагаемое незначительное изменение структуры упростит и сделает более оперативным работу Роскосмоса с МО и МИД. Это еще и повышение статуса Роскосмоса до уровня, соответствующего его реальному вкладу в политику и экономику России.

3. Увеличение штатов Роскосмоса. Штат Роскосмоса ограничен решением Правительства еще с 1992 года на уровне примерно 200 человек. Этого хватает для текущей работы, но недостаточно для эффективной работы с институтами гражданского общества, о которой говорилось выше. (Для сравнения, штат Роспатента — 2000 человек).

5. Изменение статуса ФКП с уровня Федеральной целевой программы до уровня Федерального закона. Это обеспечит стабильность космической деятельности, уменьшит ее зависимость от политической конъюнктуры, что особенно важно из-за длительных сроков разработки космической техники.

6. Создание Российского космического фонда. Фонд прописан в Законе о космической деятельности, но так до сих пор и не создан. А он мог бы стать мощным инструментом формирования и укрепления связей между космонавтикой и обществом.

Разумеется, эти перечни являются открытыми для дополнений.

В кризисные времена, когда надо было чего-то добиться, мы обычно говорили: «не сделаете — спутники рухнут на Кремль, рабочие выйдут на улицу, телевидение кончится». Сегодня так говорить не приходится. Если ничего не делать — ничего и не случится. Просто затормозится развитие и более расторопные государства нас обойдут.

В рамках настоящего доклада не рассматривается вопрос о том, какие это могут цели. Мне представляется, что нам важно определить и принять методы их выбора. Не надо забывать историю Н-1 и «Бурана» и наступать в третий раз на одни и те же грабли.

Возвращаясь к новой Национальной космической политике США, хотел бы отметить, что, по всей видимости, это документ чисто внутреннего использования. Он был принят в августе, а опубликован только что, аккуратно в канун больших выборов в США. Так что единственная рациональная реакция России на этот документ — задуматься о своей космической политике.

НАУКА ТРЕБУЕТ ВНИМАНИЯ

*Валерий Меньшиков,
Директор НИИ космических систем
ГКНПЦ имени М. В. Хруничева,
д.т.н., профессор*

Сегодня мы видим два направления развития событий в космосе, которые зависят от наших отношений с американцами. Наши отношения могут быть доверительными и партнерскими или конфронтационными. Исходя из этих двух возможных направлений, надо вырабатывать свою стратегию развития военной космонавтики.

В 1997 году у нас прекратил свою деятельность головной военный институт по космосу. Учитывая существующие тенденции, я считаю необходимым более взвешенно относиться к своему потенциалу, в том числе уделять внимание развитию военно-космической науки, восстановить деятельность головного военного института, который бы занимался космическим направлением и решал бы все эти проблемы.

Коллега Ионин правильно говорил о суперсистемах. Мы сейчас работаем над многофункциональной космической системой и над глобальной космической системой. Ее создание в международном масштабе, учитывающей интересы и Европы, и Китая, и Индии крайне важно для всех — не только для России.

И еще. Мне представляется крайне важным документальная разработка военной политики России в космосе. В этой части должны быть тесные отношения между Министерством обороны и Роскосмосом, иначе эту важную задачу не решить.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

*Валентин Зеленцов, руководитель научно-учебного комплекса
«Специальное машиностроение» имени Н. Э. Баумана, к.т.н., профессор*

В Федеральной космической программе России полностью отсутствует раздел о подготовке кадров для ракетно-космической отрасли. В свое время он был включен в программу при ее подготовке, но на этапе обсуждения, по-моему, в Минэкономразвития, этот кадровый раздел почему-то убрали.

Если дело и дальше пойдет по такому же руслу, то какие бы документы мы ни принимали, какие бы структуры ни создавали — лет через 10 нашей космической промышленности практически не станет. Сегодня уж почти перестал существовать факультет МГТУ имени Баумана при РКК «Энергия», поскольку в корпорации нет для него помещения. Этот факультет в свое время был основан С. П. Королевым. Сегодня он находится в Москве, но вполне возможно, что его придется вообще закрыть.

Предприятия космической отрасли не могут платить молодому специа-

листу столько, сколько ему предлагает любой коммерческий банк или фирма. Это вопрос насущный, его надо решать, и тогда нас никакая национальная космическая программа Соединенных Штатов пугать не будет, мы найдем для нее адекватный ответ.

НАШИ ПРОГРАММЫ — СБАЛАНСИРОВАНЫ И ОПТИМАЛЬНЫ

*Виталий Давыдов,
заместитель руководителя Федерального космического агентства, к.т.н.*

Год назад в этом зале руководитель Роскосмоса подробно и откровенно рассказывал о Федеральной космической программе — и во многих других аудиториях тоже. Все, кто хотели услышать о Федеральной космической программе, о ее содержании, все, кто заходили на наш сайт, читали открытый вариант программы в журнале «Российский космос», эту информацию получили. Для меня оказалось неожиданным, что многие, оказывается, не знакомы с ней.

Мы никогда не возражали, чтобы общественность предлагала нам свои варианты того, как лучше строить космическую деятельность. Но говорить о том, что общественность может быть введена в структуру управления космической деятельностью — с таким вариантом я сталкиваюсь впервые. Можно ли реально говорить, что через СМИ, через Правительство мы можем заниматься управлением космической деятельностью? По-моему, нет. Хотя это мое частное мнение.

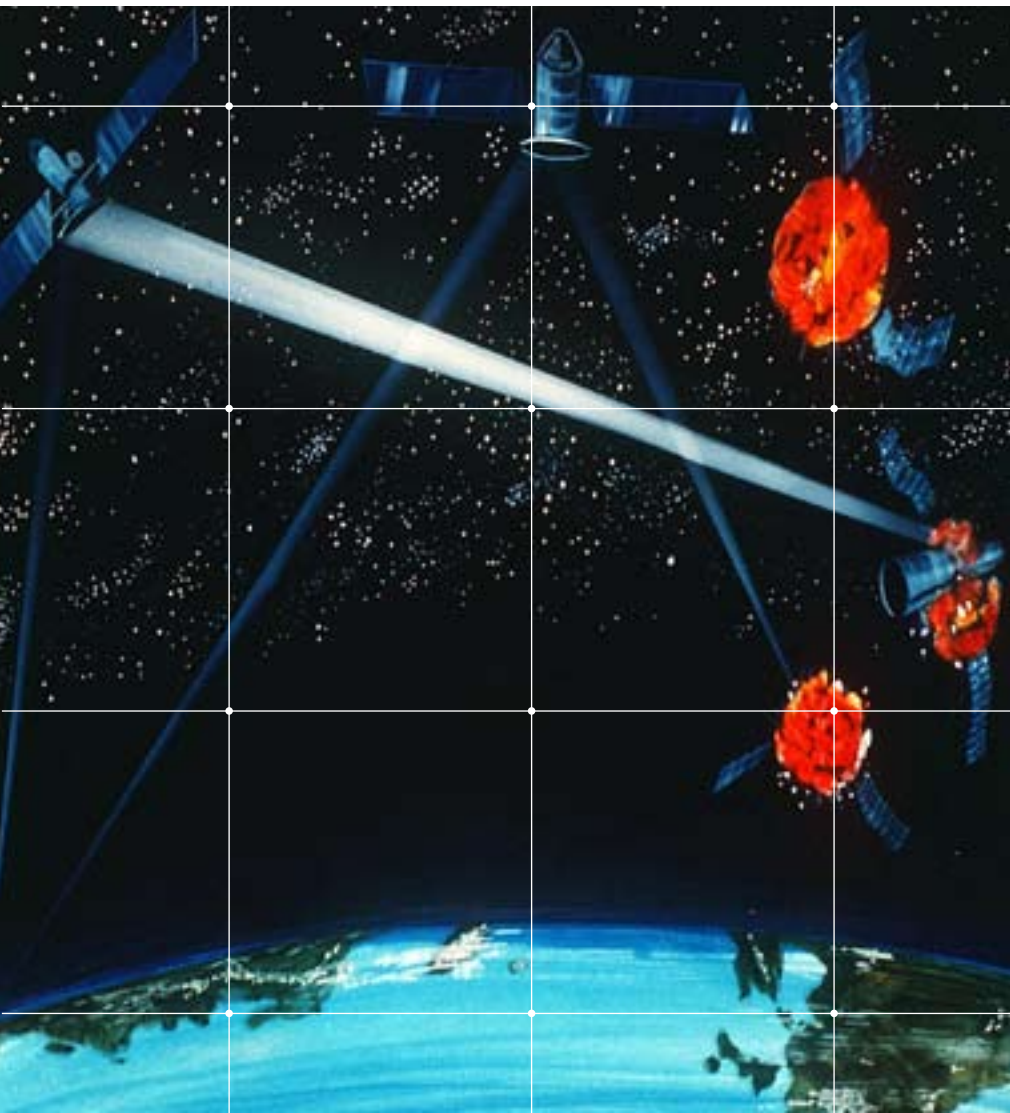
Я считаю, что сейчас система управления более или менее сбалансирована, и «нахождение Роскосмоса под Правительством» дает нам возможность очень быстро находить решения, которые надо принимать на правительственном уровне. И Президент России прекрасно знает все проблемы, связанные с

космонавтикой и очень активно работает с нами, в частности по системе ГЛОНАСС. Менее чем за один год только в отношении этой программы было несколько поручений Президента. В рамках выделенных ассигнований наши программы — сбалансированы и оптимальны.

Я бы не рискнул сегодня говорить о том, что сейчас надо вложиться, чтобы полететь на Марс, — и это лучше, чем обеспечить потребителей связью, навигацией и прочими видами космических услуг. Не так давно на телевидении была дискуссия на подобную тему. Там люди разделились на прагматиков и фантазеров. Так вот, я бы себя отнес скорее к прагматикам.

Нельзя полностью просчитать отдачу от аппарата, который находится на орбите. Возьмем космическую навигационную систему. Ее задача — создать навигационное поле. Назовите мне, где здесь отдача в рублях. Ее просто нет! Вот когда мы используем систему ГЛОНАСС в транспортной компании и регулируем транспортные потоки, появляется реальная отдача в рублях. Когда на орбиту в результате выполнения Федеральной космической программы выведен космический аппарат, то доходы, которые получаются в результате предоставления услуг операторами при его эксплуатации, идут в карман не Роскосмосу, а Мининформсвязи. Когда мы выводим на орбиту метеоспутник, мы выполняем задачу в интересах

Росгидромета, и только он может нам сказать, какую выгоду способен с этого получить. А Роскосмос только удовлетворяет потребность федерального органа власти.

О кадрах. Сегодня в ФКП действительно нет ни одного слова о подготовке кадров, но эта проблема очень широко обсуждается в Правительстве, и буквально месяца еще не прошло, как был серьезный разговор на заседании Военно-промышленной комиссии. Был поднят вопрос о том, что было бы целесообразно вернуться к вопросу о подготовке кадров в рамках федеральных целевых программ. Но была высказана и другая позиция — что целесообразно сделать единую Федеральную целевую программу по подготовке специалистов для оборонно-промышленного комплекса.

Вернемся теперь к проблеме милитаризации космоса. В отличие от авианосца или самолета, с помощью которого я могу решить ряд проблем, приблизив его к региону кризисной ситуации, космическое оружие — глобально, оно будет находиться над всем миром. И мне совершенно не хотелось бы идти навстречу тем, кто предлагает разместить в космосе лазерное оружие для того, чтобы можно было бороться с террористами. Да, задача благородная, но постоянно иметь у себя над головой лазерное оружие, которое может быть использовано в любой момент, и воспрепятствовать даже моему выходу в космическое пространство — это, по-моему, совершенно нежелательно. А американцы говорят о том, что они хотят не только выходить в космос, но и диктовать, кто туда будет выходить. Те формулировки, которые содержатся в обсуждаемом документе, могут быть истолкованы как очень мягкие, но при желании, они же могут оказаться очень жесткими. Скорее нужно исходить из наилучшего для нас варианта.

Если приветствовать такие вещи, то становится не совсем понятно, в каком обществе и в каком мире мы живем. В мире сильного? Тогда зачем нужны все международные договоренности? Мы что, во что-то играем? Ну, тогда нам остается только делать то же самое.

Дополнительную информацию об итогах круглого стола и дальнейшей деятельности по активизации конструктивного диалога между российским обществом и руководством национальной космической программы можно найти на сайте Московского космического клуба по адресу <http://www.mosospace.ru>.

НЕОБХОДИМ ОФИЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС

*Вячеслав Цветков, председатель
Исполнительного комитета МДО «Авиация и космонавтика России»
при Госдуме ФС РФ*

Николай Аполлонович Анфимов в своем выступлении упомянул документ, который у нас существует с 2001 года и определяет основы государственной политики в области космической деятельности. Точно такой же есть и в авиационной деятельности. Но, к сожалению, этот документ является не совсем полноценным, он не имеет статуса. В правом верхнем углу там стоит просто автограф Президента. И в Думе, которая по-прежнему равнодушна к космосу, нередко приходится слышать досаду, что у нас нет государственной политики в космосе. Наш документ не утвержден, он не прошел процедуры утверждения, установленной Конституцией. Президент выпускает Указы и Распоряжения, Правительство — Постановления и Распоряжения, Дума и Парламент в целом выпускают Законы и Постановления. Документа,

который был бы утвержден в соответствии с существующими процедурами, нет. Сегодня — это, по сути, набор благих пожеланий, которыми никто не пользуется. Вот в чем беда.

